

О. С. НАГОРНАЯ

**«...КОГДА СССР СТАЛ СИЛЬНЫМ И МОГУЧИМ...
МНОГИЕ НАРОДЫ НУЖДАЮТСЯ В НАШЕЙ ДРУЖБЕ»
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ (1949–1989)**

В статье представлены перспективы изучения транснациональной истории социалистического лагеря через призму советской культурной дипломатии. В центре внимания находятся институты и каналы культурного трансфера, механизмы и инструменты официальной и неформальной коммуникации, биографические траектории «неофициальных послгов», внутренний и внешний дискурс о социалистической интеграции и ее культурном измерении.

Ключевые слова: транснациональная история, социалистический лагерь, культурная дипломатия, культурный трансфер.

Окончание Холодной войны и развал «Восточного блока» привлекли повышенное внимание исследователей к изучению западноевропейской интеграции как образцовой модели формирования единого экономического, правового и мировоззренческого пространства. Объединительные процессы и структуры, развивавшиеся во второй половине XX в. в социалистическом лагере, были оценены как изначально нежизнеспособные, лишенные инновационного потенциала; решающим сплачивающим фактором для них было признано насильственное советское господство. Бесспорно, отрицать значимость этого фактора трудно, однако он не объясняет многих явлений: периодов относительной стабильности блоковых структур, распространения (н)остальгии по социалистическому прошлому, устойчивости социалистических брендов и коммуникативных сетей. Неслучайно, в последнее время в исследованиях все чаще стали звучать призывы к отказу от шаблонного подхода и более детальному изучению истории социалистической интеграции в экономическом, социальном и культурном ракурсах¹.

Как представляется, созданию новых интерпретационных моделей может послужить исследование коммуникативного измерения истории соцлагеря как пространства взаимодействия общественных организаций и индивидов (транснациональных каналов и механизмов коммуникации), развивавшегося в рамках и вне официальной пропаганды и традиционной дипломатии. Тем более, что новейшие исследования советской культур-

¹ Ahrens 2000; Jajesniak-Quast 2007; Нагорная 2013.

ной дипломатии² концентрируются на межвоенном периоде и ограничиваются обобщенными характеристиками послевоенного времени как истории провала или, в лучшем случае, истории отдельных успехов в странах «третьего мира», оставляя за пределами анализа насыщенные конфликтами и противоречиями транснациональные интеракции в странах Восточной Европы. Включение данной проблематики в научные исследования видится актуальным и в рамках развивающихся сегодня концепций soft-power, культурного маркетинга и культурного трансфера.

В литературе присутствует множество понятий, характеризующих исследуемый феномен – культурная, гражданская, публичная, народная, общественная дипломатия, которые в зависимости от контекста употребления получают строго этатистскую, либеральную или иную окраску. Если при формировании термина в 1930-х гг. под «культурной дипломатией» понимали манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях (Ф. Баргхорн)³, то в современных исследованиях термин стал более объемным и подразумевает «использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей»⁴. Еще шире и нейтральнее это понятие у М. Дэвида-Фокса: «Культурная дипломатия – систематическое включение культурной составляющей в отношения с иностранными государствами или формальное канализирование внимания и ресурсов в сферу культуры в рамках внешней политики»⁵. С другой стороны, представляется необходимой дальнейшее развитие терминологической дискуссии при включении т.н. «перспективы снизу» – партисипативных претензий и культурной активности граждан и общественных групп.

Проявления советской послевоенной культурной дипломатии следует рассматривать в рамках трех тематических полей. Структурное измерение транснациональной коммуникации охватывает каналы, институты-трансляторы, механизмы и инструменты внутриблоковой культурной дипломатии, факторы трансформации целеполаганий и структур. Помимо обществ дружбы, женских, молодежных, детских организаций, специализированных объединений необходимо уделять внимание профессиональным отраслевым ассоциациям, международным ярмаркам и выставкам, фестивалям и пр. Особую роль в развитии и трансформации подобных организаций играли кризисы социалистического лагеря (1953, 1956, 1968

² Голубев 1997; 2004; Дэвид-Фокс 2015; Фокин 1999.

³ Цит. по: Голубев 2004. С. 5.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Дэвид-Фокс 2015. С. 5-41.

г.), требовавшие обновления устаревших форм и концепций, а также активизации инструментов (псевдо)общественной активности.

В исследованиях по межвоенному периоду не раз отмечалось снижение авторитета Всероссийского общества культурных связей с заграницей (ВОКС) в бюрократических советских структурах, а его расформирование представлялось как закономерный итог предыдущего развития⁶. Архивные документы рисуют более динамичную картину: ВОКС без радикальных трансформаций пережил окончание Второй мировой войны и функционировал в неизменном виде еще с десяток лет, несмотря на необходимость репрезентации СССР на международной арене в совершенно новой роли державы-победителя. Поводом для роспуска организации послужили события в Венгрии 1956 г., острота и драматичность которых были признаны следствием неудовлетворительной работы ВОКС «по развитию дружбы с венгерским народом». Ликвидация старой централизованной структуры, признанной «политическим ляпсусом», и становление спектра новых рассматривалось как советский ответ на возникшую в западных странах активизацию общественности: предполагалось, что общества дружбы продемонстрируют преодоление культа личности, демократизм советской действительности, окажут воспитательное воздействие, в том числе на советскую молодежь⁷.

Понятно, что идея соучастия была в большей мере пропагандистским приемом, на деле общества дружбы с зарубежными странами оставались в финансовых рамках и под бдительным контролем государственных структур (в т.ч. КГБ). Однако не стоит недооценивать и энтузиазм советского населения, которое воспринимало созданные рамки партисипативного государства как реальность: в новообразованные общества сотнями и тысячами поступали письма от представителей разных социальных групп, интересующихся языком и культурой той или иной страны⁸. Примечательно, что часть из них уже имела длительные письменные контакты с гражданами стран народной демократии, установленные в том числе в ходе «заграничного похода Красной Армии». Масштабы такой активности позволяют несколько скорректировать метафору Я. Берендса с «изобретенной дружбы»⁹ на «управляемую дружбу». Есть свидетельства, что и население стран народной демократии серьезно воспринимало

⁶ Там же. С. 533.

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 43–91.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 22а, 38, 288, и др.

⁹ Behrends 2006.

транслируемое сверху предложение и пыталось использовать созданные структуры как канал реализации личных или культурных интересов¹⁰.

В целом, сквозь призму культурной дипломатии возможно выйти на более широкие исследовательские контексты – специфику коммуникации между СССР как «слабым гегемоном» (Р.В. Стоун) и странами Восточной Европы. Параллельно с шаблонными фразами о братстве и равноправии в рамках интеграционных структур, общественных организаций и личных контактов открыто озвучивались критические позиции, отстаивались национальные интересы, выстраивалась иерархия социалистических стран. К примеру, стремительно развивавшиеся в европейских странах средства массовой информации могли бесконтрольно уклониться от распоряжений печатать советские материалы, если те не отвечали требованиям новых массмедиа: актуальности, художественности и наличия качественных фотоматериалов¹¹. В ГДР партийное руководство открыто отказывалось от публикации произведений советских писателей, разоблачавших культ личности, как от «несвоевременных и не способствующих развитию социализма»¹². Чехословацкие функционеры в протокольных беседах критиковали СЭВ за средневековые формы сотрудничества, низкий авторитет и бесполезность¹³. К тому же, в процессе согласования мероприятий т.н. пропаганды Советского Союза в странах соцлагеря политические деятели этих стран стремились выговорить для себя крупные преференции, например, безвозмездное возведение крупных объектов для демонстрации населению советской помощи. Беспроигрышным инструментом в достижении желаемого стало использование фактора конкуренции СССР с западными странами: достаточно было лишь упомянуть, что тот или иной вид поддержки уже получен от какой-либо западной страны¹⁴. В целом, несмотря на все усилия культурно-дипломатических органов, представление о взаимовыгодности социалистического партнерства было камнем преткновения и предметом постоянных разногласий. Здесь виден в действии механизм приписывания населением собственных смыслов официальным канонам: в то время как жители соцстран высказывали претензии, что Советский Союз ущемляет их экономические интересы, организовав вывоз определенных видов

¹⁰ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-9576. Оп. 4. Д. 12.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 678. Л. 105.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 151. Л. 21.

¹³ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 257. Л. 55.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 502. Л. 4.

продукции, советское население было уверено, что восточноевропейские страны используют СССР как «дойную корову»¹⁵.

Второй ракурс исследования – субъектное измерение культурной дипломатии: биографии наиболее значимых (типичных) транснациональных акторов, выполнявших функции общественных дипломатов, принципы их отбора и выдвижения, поколенческая, возрастная и гендерная специфика карьерных стратегий. Биографический подход позволит реконструировать процессы профессионализации «общественных деятелей», карьерные схемы во внешнеполитической сфере, узловые пункты и границы сформировавшихся в тот период транснациональных социальных сетей. С одной стороны, анализируя портретный ряд деятелей советской культурной дипломатии, мы можем проследить явные линии континуитета с предыдущей эпохой. Так в непосредственно послевоенный период центральными фигурами на пространстве социалистического лагеря оставались крупнейшие представители художественной интеллигенции: И. Эренбург, К. Федин, А. Фадеев, А. Корнейчук, которые привлекались к мероприятиям ВОКС и ранее. В странах Восточной и Западной Европы в качестве проводников советской культурной дипломатии продолжали функционировать друзья СССР межвоенного периода, один из ярких примеров – Зденек Неedly, бывший глава чехословацкого общества друзей СССР, занявший уже после войны ведущую позицию в сфере культуры ЧССР. С другой стороны, изменение геополитической обстановки, новые явления и медийные поля способствовали дифференциации культурно-дипломатической сцены и появлению новых групп: в эпоху прославления научно-технического прогресса одну из важных ниш здесь заняли узкие специалисты (физики, юристы, медики), востребованные благодаря своему научному авторитету. Особая среда была представлена т.н. «медийными лицами» и брендовыми коллективами: спортсменами, космонавтами, театральными и художественными коллективами (Большого театра, Ансамбля Советской армии, Ансамбля И. Моисеева), за приезд которых серьезно соперничали страны Восточной Европы. Кроме того, появился и широкий круг т.н. общественных деятелей, которые утратили свои профессиональные корни и занимались исключительно публичной деятельностью – таковы, например, функционеры интернациональных женских и молодежных организаций.

Для первой группы характерно совмещение ряда международных публичных позиций: например, И. Эренбург являлся одновременно членом президиума Всемирного совета мира, комитета Международных

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 127.

премий мира, председателем советско-французского общества дружбы и т.д. Специфическим признаком группы общественных деятелей стала профессиональная специализация – все большее число из них получали специальное образование (в Академии общественных наук), либо переводились на эти позиции из государственных ведомств, где они приобрели опыт организации внешних связей (к примеру, деятельницы Комитета советских женщин). На основе исследования кадровых перемещений этих фигур предстоит выявить институциональную и карьерную иерархию советских интернациональных общественных организаций. Ротация видных фигур общественной дипломатии отражает смену поколений и влияние новой медийной волны: так в 1968 г. главу Комитета советских женщин Нину Попову, методично руководившую организацией со времен войны, сменяет харизматичная Валентина Терешкова¹⁶, являвшаяся внеконкурентным и признанным во всем мире воплощением успехов советской женщины. Заслуженная Попова перемещается на позицию главы Советского фонда мира, денежная поддержка которого в адрес стран третьего мира являлась изначально успешным фактором влияния и требовала не столько ярких личностей, сколько методичных функционеров.

Внутриведомственный дискурс и состав органов общественной дипломатии подтверждают постепенное смещение советских установок в связи с реальной проницаемостью железного занавеса и возрастающей дисперсностью культурно-дипломатических интересов. Вопреки официальным атеистическим установкам советского государства в состав общественно-дипломатических органов вводились священники (знаковой фигурой стал митрополит Николай Крутицкий)¹⁷, лидерам религиозных конфессий стран Восточной Европы целенаправленно вручались Ленинские премии мира¹⁸. Несмотря на подозрительное отношение к т.н. «нерепатриантам» (соотечественникам за рубежом), каналом культурного влияния были признаны русские общины на территории стран соцлагеря. Причем, в ситуации кризиса доверия со стороны населения стран Восточной Европы (например, в 1956 г.) им передавались функции государственной пропаганды, к примеру, популяризация советских фильмов¹⁹.

Набор инструментов влияния был достаточно обширен и варьировался в зависимости от ситуации. Личные связи общественных деятелей СССР использовались как инструмент нормализации обстановки в период обострения отношений с отдельными социалистическими странами.

¹⁶ Курковская 1982. С. 12.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9522. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 502. Л. 11.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 132.

Это ярко прослеживается на примере Венгрии 1956 г.: в обстановке резкого снижения интереса к советской культуре ее планировалось подспудно транслировать не только через столпов советской литературы и искусства, но и через представителей интеллигенции других социалистических стран – А. Зегерс, М. Садовяна²⁰. В тот же период на политических деятелей Польши планировалось повлиять через более лояльных чешских друзей: «Это был бы один из путей убеждения поляков по тем вопросам, по которым они ошибаются»²¹. Напротив, лояльность ведущих венгерских артистов в ситуации экономических трудностей планировалось завоевать массовыми приглашениями коллективов в Советский Союз с выплатой значительной части гонорара в венгерской валюте²². Широким жестом в периоды кризисов соцлагеря СССР раздаривал культурные ценности, связанные с историей той или иной страны²³.

Следует также изучить роль фактора заграничных путешествий и материального благосостояния в деятельности высшего и низшего звена культурной дипломатии. Количество встреч, совещаний, ознакомительных поездок, зафиксированных в документах, не согласуется с представлением о «невъездном характере» советских людей. Постоянная деятельность в международных организациях оплачивалась достаточно высоко. Неслучайно, один из ироничных чешских функционеров именовал структуры социалистической интеграции «раем для любящих путешествовать хозяйственных работников»²⁴.

Третьим тематическим полем в исследовании культурной дипломатии в социалистическом лагере является медийная и дискурсивная среда. В центре изучения находятся образы социалистической интеграции, которые транслировались в рамках культурной/общественной дипломатии в странах социалистического лагеря и во вне: позиционирование (в форме СЭВ и не только) в международных организациях, «брендинг» отдельных явлений и лиц в истории и современности Советского Союза и стран Восточной Европы. В качестве последних выступали не только воплощения европейской революционной культуры, но и образ покорителей космоса и крупнейших совместных социалистических проектов – трубопровода «Дружба», комбината «Сталинварош» и т.д. Наряду со сбоями в функционировании проекта «Социалистическое содружество» и многочисленными конфликтами в эшелонах управления социалистического лагеря в

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 166.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 483. Л. 6.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 165.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 504. Л. 17.

²⁴ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 257. Л. 55.

рамках наднациональных организаций и международных общественных и профессиональных ассоциаций страны Восточной Европы чаще всего выступали единым фронтом, при этом принимали на себя роль инициаторов формирования солидарной позиции даже в отсутствие «руководящей роли Москвы». В свою очередь они ожидали, что Советский Союз, имеющий больше культурно-дипломатических ресурсов на международной арене, будет неустанно продвигать их интересы, и возмущались, если по каким-то причинам эти ожидания не оправдывались.

В целом, советские чиновники от культурной дипломатии часто и охотно регистрировали любое проявление «обиды» со стороны своих партнеров: по поводу редких публикаций в советской прессе о жизни страны, по поводу формального отношения к переписке, отсутствия у советского населения знаний о национальной литературе²⁵. Подобная чувствительность может объясняться распространенностью определенных интерпретационных моделей по отношению к «периферии» социалистического лагеря, основанных на «чувстве имперской вины».

* * *

Как отметил в своем исследовании о СССР в межвоенный период М. Дэвид-Фокс, дискуссии о культурной дипломатии в Советском Союзе прямо и косвенно оказывали влияние на саморепрезентации советской элиты и выработку определенных политических практик²⁶. Это утверждение справедливо и для послевоенного двадцатилетия. Определяя задачи Союза советских обществ дружбы, один из партийных функционеров в своей докладной записке следующим образом описал изменение функций советской культурной дипломатии: «В г., когда СССР был слабым, мы нуждались в каждом проявлении дружбы из-за рубежа... Теперь, когда СССР стал сильным и могучим... вполне логично создать советские общества дружбы с другими народами, т.к. многие народы нуждаются в нашей дружбе и ищут ее»²⁷. Здесь хотелось бы отметить амбивалентность советского «культурного империализма». С одной стороны, соответствующие ведомства различными средствами стремились укоренить советские установки в странах народной демократии. С другой – очень часто встречались и глубокие рефлексии по этому поводу. Например, тот же автор пытался предупредить распространение советского ориентализма по отношению к странам социалистического лагеря, критикуя отсутствие интереса к изучению языков и стремление обойтись

²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 461. Л. 26; Д. 460. Л. 219.

²⁶ Дэвид-Фокс 2015. С. 41.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 505. Л. 59.

только русским: «Такое отношение к языкам братских социалистических стран иначе как барско-пренебрежительным назвать нельзя. Пренебрежение к языкам стран народной демократии не содействует укреплению дружбы между странами, а скорее наоборот. Может быть это открыто никто пока не высказывает, но что пренебрежительность к их языкам им не нравится – это бесспорно»²⁸.

В качестве маркеров эффективности культурной дипломатии и транслируемых ею кодов могут выступить элементы современного ностальгического дискурса по транснациональному социалистическому прошлому²⁹. Ярким примером здесь является образ восточногерманского Гагарина – первого космонавта ГДР З. Йена в популярном фильме «Гудбай, Ленин!» (реж. В. Беккер, 2003 г.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahrens R. Gegenseitige Wirtschaftshilfe? Die DDR im RGW. Strukturen und handelspolitische Strategien 1963-1976. Koeln: Boehlau, 2000.
- Behrends J. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Koeln: Boehlau, 2006.
- Jajesniak-Quast D. Reaktionen auf die westeuropäische Wirtschaftsintegration in Ostmitteleuropa. Die Tschechoslowakei und Polen von den fünfziger bis zu den siebziger Jahren // *Zeitraume*. Berlin, 2007. S. 140–145.
- Голубев А. «Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920-30-х гг. – М.: ИРИ РАН, 2004.
- Голубев А. Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // *Россия XXI*. – 1997. – № 1–2. – С. 112–134.
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. – М.: НЛЮ, 2015.
- Курковская Е.И. Комитет советских женщин. М., 1982.
- Нагорная О.С. Восточногерманские студенты в СССР 1950-60-х гг.: транснациональные пространства и социалистические «сети» // *Исторический журнал: научные исследования*. – 2013. – № 5. – С. 531–540.
- Орлова Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // *Неприкосновенный запас*. 2007. №4(54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/>
- Фокин В. И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30 гг. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

REFERENCES

- Ahrens R. Gegenseitige Wirtschaftshilfe? Die DDR im RGW. Strukturen und handelspolitische Strategien 1963-1976. Koeln: Boehlau, 2000.
- Behrends J. Die erfundene Freundschaft. Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Koeln: Boehlau, 2006.

²⁸ Там же.

²⁹ См., например: Орлова 2007.

- Jajesniak-Quast D. Reaktionen auf die westeuropäische Wirtschaftsintegration in Ostmitteleuropa. Die Tschechoslowakei und Polen von den fünfziger bis zu den siebziger Jahren // *Zeitraume*. Berlin, 2007. S. 140–145.
- Golubev A. «Vzglyad na zemlyu obetovannuyu»: Iz istorii sovetskoj kul'turnoi diplomatii 1920-30-kh gg. – M.: IRI RAN, 2004.
- Golubev A. Intelligentsiya Zapada i sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v mezhozheny period // *Rossiia KhKh1*. – 1997. – № 1–2. – S. 112–134.
- Devid-Foks M. Vitriiny velikogo eksperimenta: kul'turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody. – M.: NLO, 2015.
- Kurkovskaya E.I. Komitet sovetskikh zhenshchin. M., 1982.
- Nagornaya O.S. Vostochnogermanskije studenty v SSSR 1950-60-kh gg.: transnatsional'nye prostranstva i sotsialisticheskie «seti» // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2013. – № 5. – S.531–540.
- Orlova G. «Traktor v pole dyr-dyr-dyr. / Vse my boremsya za mir»: sovetskoe mi-rolyubie v brezhnevskuyu epokhu // *Neprikosnovennyi zapas*. 2007. №4(54). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/>
- Fokin V.I. Mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen i SSSR v 20–30 gg. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, проректор по научной работе, Южно-Уральский институт управления и экономики, nagornja.oxana@mail.ru

“When the USSR became strong and powerful ... many nations seek our friendship”: aspects of the studies of cultural diplomacy in the socialist camp (1949–1989)

The article presents the research perspectives of Soviet cultural diplomacy in the socialist camp: institutions and channels of cultural transfer, mechanisms and tools of formal and informal communication, biographical trajectory of "unofficial ambassadors", internal and external discourse about the cultural dimension of the socialist integration.

Keywords: transnational history, the socialist camp, cultural diplomacy, cultural transfer.

Oksana Nagornaya, Dr. Sc. (History), pro-rector for research, South Ural Institute of Management and Economics (Cheljabinsk), nagornja.oxana@mail.ru